18+

Александр Дёмышев

Сочинение про зимнюю рыбалку

Вятский триллер

Александр Дёмышев

Сочинение про зимнюю рыбалку. Вятский триллер

«Издательские решения»

Дёмышев А. В.

Сочинение про зимнюю рыбалку. Вятский триллер /
А. В. Дёмышев — «Издательские решения»,

В глухом вятском селе Старые Дубы пропадают дети. Ходят слухи, что в лесу за Пыхтеевским урочищем орудует маньяк. Но юношеская влюблённость сильнее страха. Чтобы завоевать сердце девушки, Пашка Пестриков должен отправиться на зимнюю рыбалку. Ничего страшнее того похода не было ещё в его жизни…

© Дёмышев А. В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Глава 1 7
Глава 2 12
Глава 3 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Сочинение про зимнюю рыбалку
Вятский триллер

Александр Васильевич Дёмышев

© Александр Васильевич Дёмышев, 2026

ISBN 978-5-0071-6486-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Каждый из нас, как говорят, родом из детства. Но далеко не у каждого детство и юность — безоблачная пора.

О событиях далёкого 1986-го Павел Петрович Пестриков всю свою жизнь старается не вспоминать. И это ему в основном удаётся. Но есть особая дата в календаре: 27 декабря (годовщина тех страшных событий). И в этот день Павел Петрович Пестриков от воспоминаний не загораживается, наоборот. На протяжении многих лет он в этот день посещает храм Новомучеников, ближайший от дома, где проживает.

Вот и сегодня, 27 декабря 2024-го, сразу же после работы он идёт заснеженным тротуаром на вечернюю службу. Павел Петрович прикупает в церковной лавке три длинные, источающие аромат воска свечи. Одну из них возжигает пред иконой своих небесных покровителей Петра и Павла в благодарность за собственное спасение. Другую ставит на панихиду пред распятым Спасителем, эта свеча за упокой души деда, убитого тем поздним декабрьским вечером в 1986-м. Третью свечу он затепляет пред иконой всех святых — она в память об остальных погибших тогда. Святых на иконе много, и среди этого сонма, конечно, находится преподобный Стефан Печерский — древнерусский святой, не слишком известный у нас на Вятке…

Да, летит время, почти уж четыре десятка годочков минуло с той поры. Павел Петрович и сам теперь уже дед, внук подрастает, в лес гулять просится. А не успеешь и глазом моргнуть, как в школу внучок пойдёт, сочинения там ему задавать станут…

И что же? Ну как тут не вспомнить…

Павел Петрович, выйдя из храма, бредёт по заснеженной улице. Город во власти зимнего вечера. С чернильного неба летят снежинки, но это, конечно, совсем не тот невероятный снегопад, что случился… если быть точным… ровно тридцать восемь лет назад. Переливаются разноцветными огоньками гирлянды, развешанные поперёк улицы к Новому году. Дворник — узбек ли, таджик ли — огромной лопатой чистит дорожку. Он о чём-то кричит бредущему в задумчивости гражданину. Но Павел Петрович не слышит, не видит, он полностью погрузился в воспоминания…

Глава 1

Тревожные объявления появились в селе Старые Дубы как раз накануне октябрьских праздников. Белые листочки висели на бревенчатых стенах почты и Дома культуры, на щербатых заборах у сельпо и заготконторы, а ещё на единственной автобусной остановке.

Осенний ветер без жалости трепал украшавшие село красные стяги. В такт им трепыхались краешки белых листочков, и местным бабусям приходилось подолгу вчитываться в прыгающие мелкие буковки тусклого и неровного машинописного шрифта…

«Внимание! — читали, шевеля губами, пенсионерки друг дружке. — Решением Стародубовского сельсовета в целях безопасности временно запрещается посещать территорию Пыхтеевского лесничества детям и подросткам до 18 лет без сопровождения взрослых!»

Такие вот объявления. Разве не заволнуешься? Бабуси и волновались.

— Снова пропажа. Теперича из Елшанки, — шепеляво твердила одна из них. — Девочка в энтот раз.

— Да слышала, слышала, — отвечала другая первой. — То у Самыловой Катерины дочурка пропала, Любаша, десятиклассница.

Но объявления эти — полдела. А вскоре и на линейке по случаю 69-й годовщины Великого Октября (конечно же, по завершении торжественной её части) школьникам огласили требование: без взрослых в лес ни ногой, иначе последствия могут быть самые что ни на есть ужасные.

К слову сказать, слухи о том, что в лесу за Пыхтеевским урочищем происходит что-то неладное медленно расползались по сёлам и деревням Оричевского района ещё с конца августа, ровно с тех самых пор, как на ремонт крыши коровника в колхоз «Заветы Ильича» прибыла бригада шабашников. Но пионеры бабкиным сплетням тогда не слишком-то доверяли. Вот и Павел Петрович (в то время, конечно же, просто Пестриков Пашка, ученик 9-го «А») с ухмылкой выслушивал причитания старушек. Однако, когда в самом начале сентября пропал первоклассник из соседнего села, даже самым отчаянным пацанам стало как-то не до ухмылок.

Шабашники, выписанные председателем для ремонта, вид по местным меркам имели весьма диковинный — стёганые халаты в цветную полоску, узорчатые тюбетейки, глаза словно потухшие угли, а кожа тёмно-серая. Цвет их лиц был чем-то средним между оттенками шифера и рубероида — материалов, что использовали они в работе. Общались шабашники меж собой не по-нашенски: гыр-гыр, быр-быр. В общем, на роль злодеев вполне они подходили. Люд местный к таким гостям относился с опаской: «И куда только милиция смотрит?! А участковый-то наш, Пётр Лексеич только то и умеет, что пузо чесать да усы разглаживать, ну разве что ещё с бронзовой лысины Котовского какашки голубиные оттирать. Лучше бы за порядком следил!».

Через неделю после пропажи второго ребёнка — Самыловой Любы, в лесу обнаружили поглоданные зверями её останки. Как утверждали всеведающие деревенские бабульки, имелись на трупе Любочки «следы насильственной смерти» (именно так, протокольными фразами бабульки и говорили). Про мальчика же, что исчез ещё раньше, так ничего известно и не было.

Шла к концу осень. Участковый перестал еженедельно с помощью стремянки взбираться на памятник Котовскому. Чистить плечи и голову от голубиного помёта тряпкой теперь не требовалось, с этой задачей вполне справлялись зачастившие дожди. Барабанили капли и по новенькой крыше коровника, с которой шабашники уже упорхнули куда-то к себе на юг вслед за стаями уток да журавлей. Остался только один — самый тихий из них и безобидный, который и приехал сюда позже всех. С именем мужичку этому не свезло. Насрулла. Для уха жителя русской глубинки — словечко не самое благозвучное. Однако же оказалось, что Насрулла этот по-русски вполне себе сносно балакает, в миру представлялся теперь он Серёжей. А задержался «Серёжа» вовсе не просто так, а ввиду начавших закручиваться отношений его с жительницей

Елшанки, той самой Катериной Самыловой, у которой убили дочь. Конечно, маме, похоронившей ребёнка, было в ту пору не до любовных романов, о чём разговор! Но помощь по хозяйству одинокой женщине на селе требуется очень часто. Вот так и сменил Насрулла свой халат с тюбетейкой на штормовку с кепкой и стал после этого почти настоящим Серёжей. Почти — это потому что пить самогон с местными мужиками он так и не научился, ну а в общем и целом… В общем и целом с благосклонностью принимала Катерина Самылова помощь хозяйственную от Насруллы-Серёжи.

Настала зима. Запоздало убрали с улиц красные стяги. На склад их снесли, чтобы лежали они теперь там до майских. Ветер холодный не стал церемониться — содрал постепенно с бревенчатых стен и заборов остатки тревожащих объявлений. И жители подуспокоились. Морозный декабрь снегом припорошил их тревоги. Равнодушно взирал на сельчан с пьедестала отлитый из бронзы Котовский, лысую голову его покрывала теперь снежная тюбетейка. Местные жители ходили мимо памятника герою Революции глаз не поднимая, ещё бы: то гололёд, то тропинка заметена, того и гляди, скопытнёшься. Вскоре тихая сельская жизнь, немного разбавленная уже начинающейся предновогодней суетой, и вовсе вернулась на круги своя. Вот как раз в эту пору и задали Пашке Пестрикову написать то самое злополучное сочинение про рыбалку. Произошло это так.

Ещё с самого начала учебного года вслед за своей одноклассницей Эльвирочкой Арасланновой — смазливой кареглазой отличницей — стал посещать Пашка занятия в школьном литературном кружке «Юность». Проходили занятия раз в неделю, по пятничным вечерам. Командовал «Юностью» молодой, только что испечённый, преподаватель. Егор Семёнович, так его звали. Прибыл он по распределению в Старые Дубы прямо из Кирова, из областного центра. Командовал — слово точное, именно такой манеры донесения знаний придерживался начинающий педагог.

Аншлага на литературных занятиях не наблюдалось. Всю осень ходили в кружок, кроме Пашки Пестрикова, только девчонки. И, похоже, вздыхали украдкой школьницы не столько по героям книжных романов, сколько по молодому преподавателю. Учитель литературы, наверное, этих вздохов стоил. Был он высок и широкоплеч, усат — почти Михаил Боярский, а выправка — о-го-го! Словно не после педа его на село засунули, а будто бы из КВАТУ[1] он для прохождения армейской службы прибыл.

К усатому преподавателю Эльвирочку Пашка не ревновал, искренне полагая, что никаких других процессов кроме образовательных между советским педагогом и школьницей в природе не может быть. Другое дело — Жека Загвоздкин, соседский парняга, вихрастый и долговязый лоботряс, вечный источник проблем Пашки Пестрикова. Загвоздкин появился в кружке в самом начале зимы. И торчал на литературных занятиях Жека по той же причине, что и Пашка. Имя этой причины вы уже знаете — Эльвирочка Арасланова.

Карими глазами да чёрными косами, в круги заплетёнными, не на шутку вскружила Эльвирочка головы этим двум пацанам. И началась у ребят из-за девочки почти настоящая необъявленная война. Вот только преимущества явные были на стороне Пашкиного соперника. Преимуществ Загвоздкин имел всего парочку, но каких! Первое — Жека был старше Пашки на целых два года (соответственно и выше на полголовы). Второе — в отличие от безлошадного Пашки, Загвоздкин являлся обладателем красной «макаки» (такое народное прозвище закрепилось в то время за мотоциклами марки «Минск»). И если красной «макаке» до весны суждено было пылиться в сарае, и про неё можно пока забыть, то возраст, рост, сила Загвоздкина были всегда при нём.

Всё так, однако Пашка Пестриков — парень не промах. Отчётливо сознавая в чём у соперника есть преимущества, Пашка придумал одолеть Загвоздкина не силой, но умом. Благо

[1] КВАТУ — Кировское военное авиационно-техническое училище.

учился Пашка прилично, Загвоздкин же на второй год остался (это в выпускном-то классе!) и то с двояка на тройбан еле-еле перебивался.

На очередное заседание «Юности» Пашка примчался первым. Пребывал он в наипрекраснейшем настроении. Ведь соперник его отсутствовал в этот день на уроках в школе. Скорее всего, заболел Загвоздкин, а значит, и вечером на литературном кружке он появиться не должен. Пашка лишь на секунду замер на пороге кабинета русского и литературы. Он бросил короткий взгляд на нарядно украшенную ёлочку и прошёл по широким скрипучим половицам мимо лесной красавицы к дальней стене, к книжным полкам. Оттуда манили паренька корешки книг, коих с каждой неделей тут становилось всё больше. Это Егор Семёнович, их учитель, приносил сюда из дома всё новые экземпляры. Для расширения кругозора, так он всегда говорил. Книги тут собрались самые разные, но все интересные, не то что в школьной библиотеке. Большей частью — к Пашкиной радости — располагались на полочках детективы. Творения наших советских писателей Виктора Пронина и братьев Вайнеров стояли тут вперемешку с зарубежными авторами: Конан Дойл, Жорж Сименон, Агата Кристи. А ещё пахнущие типографской краской остросюжетные романы какого-то новомодного Д. Х. Чейза! Пашка, листая страницы, увлёкся так, что вздрогнул от неожиданности, когда над самым ухом громыхнул командирский раскатистый голос:

— Ну что, мой юный любитель криминальных историй, не желаешь ли сам поучаствовать в раскрытии настоящего преступления?

От смущения Пашка словно язык проглотил, даже покраснел почему-то, будто подкравшийся на цыпочках Егор Семёнович застукал его не за чтением книги, а за разглядыванием киношных красавиц в журнале «Советский экран». Но как же ловко и незаметно подкрался он, не зря всё же школьники прилепили учителю прозвище Шерлокхолмс! Егор Семёнович меж тем продолжал:

— Да, странные вещи творятся в Старых Дубах. Пожалуй, Шерлок Холмс был бы в вашем селе весьма кстати, ты не находишь?

— Странные?.. Вещи?.. — промычал под нос Пашка, но тут же пришёл в себя: — А-а-а, это вы про убийство той девочки…

— И девочки, и мальчика… Да и вообще, — учитель понизил голос. — Мне, как вновь прибывшему, всё село ваше кажется странным. Взять хотя бы название. Старые Дубы. Мало того, что название какое-то не местное, не вятское, так ведь ни одного дуба в округе я что-то не видел. Ни старого, ни нового.

— Э-э… Есть вообще-то один! Там, в лесу. Дуб. Большой такой, старый.

Пашка махнул рукой как бы в сторону леса, но учитель его словно не слышал.

— Улицы здесь у вас тоже как-то странно названы, — вещал он безапелляционным тоном. — Нет, я понимаю, конечно, что Дыбенко и Коллонтай — революционные деятели, но в каком селе Кировской области ты ещё встретишь такие названия двух главных улиц?

Пашка пожал плечами. Егор Семёнович победно сверкнул глазами.

— Или вот ещё. Памятник тут у вас. Не Ленин увековечен, не Киров, даже не какой-нибудь там Феликс Эдмундович. Памятник Котовскому! Откуда он здесь, к чему? Загадка! Нигде во всём Волго-Вятском крае не видал я памятников Котовскому, но ведь и не это самое странное… — учитель поднял указательный палец.

Однако, он не успели договорить. В класс, гогоча, завалились начинающие писательницы и поэтессы. Громче всех смеялась Эльвирочка Арасланова. Своим смуглым смазливым личиком смахивала она на персидскую принцессу, щёки её раскраснелись с мороза. И учитель, и ученик, примолкнув, в две пары глаз уставились на девчонку. И тут вслед за любительницами литературы в класс завалился Жека Загвоздкин. Пашка чуть ли не взвыл от досады. Загвоздкин, конечно, тоже Пашке не слишком обрадовался.

Этот вечер в литературном кружке «Юность» для двух пацанов вновь превратился в пытку. При каждом удобном и неудобном случае пытались они друг дружку поддеть, подколоть. Пашкины выпады были острее и тоньше. Поэтому стоило только Егору Семёновичу отлучиться, как Загвоздкин подпрыгнул к сопернику. И задержись учитель чуть дольше, несдобровать бы Пашке. Но вернулся преподаватель, и Жека, бубня что-то под нос, убрался на своё место, однако глаза его при этом зловеще сверкали.

— Ребята, что я придумал! — заговорщически подмигнув сразу всем, учитель вещал очень тихим и радостным голосом. — Скоро уже Новый год. Две четверти, можно считать, позади, и мы немалому научились в нашем кружке. А давайте организуем литературный эксперимент? Я дам вам задание к следующей пятнице написать рассказ!

Хор удивлённых вздохов нарушил установившуюся тишину.

— Так ведь следующая пятница — это второе января! — позагибав пальцы, воскликнул Загвоздкин.

— Ну и что? — голос преподавателя вновь стал громким и командирским. — Соберёмся по-новогоднему, — рука учителя вытянулась в сторону украшенной ёлочки. — Чаепитие тут устроим. Вы, главное, кроме рассказов, вкусняшки, оставшиеся от застолий, несите.

— Но когда же… — неуверенно бормотал Пашка. — Когда же писать-то нам? Ведь это же не хухры-мухры — настоящий рассказ придумать.

— Знаю, знаю, — Егор Семёнович поднял ладони в успокоительном жесте. — Слово «рассказ» звучит для вас, наверное, немного пугающе. Ну пусть не рассказ, пусть сочинение. Устроим-ка мы конкурс сочинений! Напишете, вместе потом обсудим, выявим победителя. А победителю от меня будет приз-сюрприз!

— Ну и про что же писать? — спросила Эльвирочка. Она широко улыбалась, хлопая длинными ресницами. И Пашка, и Жека, и даже Егор Семёнович невольно залюбовались смуглым девчоночьим личиком, на котором краснело несколько прыщиков-хотюнчиков. Прыщики эти совсем не портили девичьей красы, они лишь придавали образу Эльвирочки некоторую… очень-очень лёгкую вульгарность.

— Тему дадите одну на всех? — вновь поинтересовалась девчонка.

Секундное наваждение слетело с мужской части публики литкружка. Все в классе, включая преподавателя, призадумались.

— Давайте сделаем так, — наконец оборвал молчание учитель, — девочки пусть напишут про помощь маме в подготовке к Новому году. Ну там, как дом украшали, вкусности всяческие готовили, про наряды там, про…

— А мы что? — не слишком вежливо перебил Загвоздкин.

— Парни?.. — Егор Семёнович снова задумался, но лишь на секунду. — А парни наши пусть пишут о чём-то мужском. Да вот хоть сочинение про зимнюю рыбалку.

Жека Загвоздкин и Пашка Пестриков удивлённо переглянулись. Действительно: тема какая-то неожиданная, даже странная. И это, пожалуй, единственное, в чём за последние месяцы соперники были единодушны. В этот миг их вражда прекратилась, но…

Но перемирие длилось недолго. Не успели ребята вывалиться гурьбой из жарко натопленного здания школы в холодрыгу зимнего вечера, как Жека Загвоздкин взялся за старое. Наседать на Пашку принялся он тут же, прямо при девочках. Но помощь Пашке Пестрикову пришла неожиданно быстро. И помощь эта особо ценна была тем, что исходила она от Эльвирочки!

Попросив подружек им не мешать, Эльвирочка подхватила соперников под руки и так и повела их двоих от школьных ворот к перекрёстку. Шли они по улице Дыбенко — главной улице их села, шли прямо посередине дороги, благо звуков движущегося транспорта не слыхать. Зимнюю тишину нарушал лишь хруст снега под ногами. Эльвирочка заговорила только, когда отошли они далеко от её подружек.

— Слушайте, ребята, я давно наблюдаю за вами. Понятно, что добром это всё не кончится, — девчоночий голос звенел колокольчиком на тёмной улице промороженного села. Фонари ещё не включили, а на небе ни звёзд, ни луны видно не было. Чуть светлела заснеженная дорога, в избах горели редкие огоньки, а всё остальное — темень и мрак. Эльвирочка продолжала:

— Так вот, чтобы, как говорила моя бабушка, не доводить до греха, я пыталась что-то придумать, ведь вдвоём вы со мною дружить не станете.

— Конечно не станем! — пробурчал Жека Загвоздкин.

— Ещё чего не хватало! — подтвердил Пашка Пестриков.

— Ну вот сегодня я и придумала, как нам быть! — довольным голосом заявила девчонка. — Слушайте! У вас задание написать сочинение про рыбалку.

— Про зимнюю, — пробурчал Жека.

— Победителю от учителя приз-сюрприз, — подтвердил Пашка.

— Уж не знаю, какой там вам сюрприз приготовил наш Шерлокхолмс, но про приз я как раз и придумала. Давайте так сделаем: кто из вас лучше напишет сочинение, с тем я и буду дружить. Идёт?

Это было неожиданно! Они как раз подошли к пустующему перекрёстку с улицей Коллонтай и прямо в центре пересечения дорог остановились. Из темноты с пьедестала тяжёлым взглядом бронзовых глаз из под снежной шапки смотрел на ребят герой Гражданской войны Григорий Котовский. Эльвирочка озорно улыбалась парням: одному, другому. А парни испытующе разглядывали друг друга.

— Не честно! Нет, нет. Не честно! — вдруг хором загомонили они.

— Этот стручок хорошист, — объяснял Загвоздкин. — Ясное дело, ему сочинять проще будет.

— Да где же проще? Я только на летнюю хожу, на зимней рыбалке ни разу не был, — парировал Пестриков. — Это ведь ты с отцом каждое воскресенье подлёдным ловом промышляешь, преимущество у тебя!

— С кем я связалась? — вздохнула Эльвирочка. И этим вздохом начинающийся спор в момент прекратился. — Кому-то из вас слабо́?

— Я готов! — в тот же миг пробурчал Жека Загвоздкин.

— И я! — подтвердил Пашка Пестриков.

И они, как положено, заключили пари. Прямо тут, стоя на перекрёстке в самом центре села, парни пожали руки, а девчонка — их дама сердца — разрубила. А после они разошлись. Каждый ушёл в свою сторону: Загвоздкин налево, Эльвирочка прямо, Пестриков Пашка направо.

На этом бы и закончиться столь необычному вечеру, но не тут то было.

Глава 2

Пашка шёл к своему дому улочкой совсем уж пустой, совсем тёмной. Он и сам не заметил, как вполголоса задал себе вопрос: «Ну и как мне теперь писать дурацкое сочинение? Как писать про рыбалку, не имея опыта?».

— Элементарно, Ватсон! — раскатистый хриплый голос из-за спины раздался так неожиданно, что замёрзшего Пашку бросило в жар.

Потея и немея, паренёк обернулся. Фигура, вынырнувшая из темноты, обрела знакомые очертания. Егор Семёнович! Ну точно же — Шерлокхолмс! Но… откуда он?..

— Из школы иду. Вот прогуляться решил по вашему странному селу, — как ни в чём ни бывало, отвечал на немой вопрос учитель. — Я иногда перед сном, знаешь ли, гуляю. Это полезно.

Говорил он таким обыденным тоном, что Пашка сразу поверил: действительно, что такого? Обычное дело гулять перед сном, тем более, что Егор Семёнович человек городской, а у них, городских, свои причуды.

— Так чего же в селе нашем странного, ну окромя названий и памятника?

— Много чего, Паша! Возьми хоть архитектуру. Не обращал внимания? Дома-то ведь все в основном дореволюционной постройки. И у каждого дома светёлка на чердаке — комнатка с окошком. Мелочь, но в соседних деревнях нигде нет такого. Не вятские это дома! А вот в Ярославской области такой тип постройки очень распространён. Интересно?

— Да, интересно, — еле сдерживая зевоту, подтвердил паренёк.

— Или вот ещё. Село ведь у вас тут старинное, а церкви нет. И не было никогда! Как так? Ведь село тем от деревни и отличалось всегда, что в селе должна была находиться церковь.

— Ну да, забавно.

— Забавно… Конечно, это как бы мелочи всё. Мелочи, которые по отдельности ничего не значат, но в совокупности… — учитель задумался, подбирая слова. — Этого, Паша, запросто так не объяснишь… Понимаешь, с тех самых пор, как я тут оказался, не покидает меня ощущение какой-то нереальности здешней жизни. Мне порой кажется, что тут и законы физики действуют не совсем правильно. Ты же ведь сам не с рождения тут живёшь. Года три, как сюда переехал? Обращал ли внимание, как в окрестностях села скрипит снег?

— Снег? — паренёк чуть оживился. — А что со снегом-то тут не так?

— Он же скрипит под ногами всегда! И громко скрипит. Скрипит что в мороз, что в оттепель. А ведь так быть не должно! — учитель резко выдохнул и, чуть успокоившись, прибавил: — Впрочем, я не физик, а лирик. Возможно, с законами физики я что-нибудь путаю, но… С тех пор, как сюда перебрался, у меня ощущение будто всё вокруг происходит не взаправду, будто я в фильме каком-нибудь нахожусь. Или в книжке. Или в спектакле на театральной сцене.

— А в книжных историях и в спектаклях всегда бывает счастливый конец, — улыбнулся паренёк.

— Не всегда, Паша. Не всегда, — учитель вздохнул и посмотрел в глаза Пашки взглядом пронзительным, долгим. — Так вот. Вернёмся к твоей проблеме. Конечно же, Паша, ты прав. Чтобы написать хороший рассказ, ну то есть стоящее сочинение, лучше бы самому, как говорится, на своей шкуре испытать то, о чём пишешь, — сделав пару шагов, педагог подошёл вплотную. — Ну так, а в чём проблема? До следующей пятницы у вас есть неделя. И если ты, например, завтра посвятишь день рыбалке, то на сочинение у тебя ещё будет достаточно времени, — видя сомнения на лице школьника, учитель добавил: — Как поступать, решай сам. Приз-то теперь, как я понял, стоит на кону не шуточный.

Подмигнув заговорщически, Егор Семёнович шагнул в темноту. Через минуту стих хруст снега от его шагов (как только Пашка его до этого не услышал?) и стало казаться, что никакого

учителя тут и не было. Было темно и было пусто. Было так: негромко завывал холодный ветер, вдали из-за околицы доносился ленивый собачий лай. А Пашкино настроение становилось всё боевитей. Да ведь это подарок судьбы! Как ещё можно одолеть Загвоздкина? Только умом, только так! Значит, нужно бороться. Сам в зимней рыбалке не смыслю, но есть дед. Он мастер подлёдной ловли. У деда и удочки наготове всегда, и ледобур. Так надо действовать, надо завтра идти на рыбалку!

И бодрой походкой Пашка направился к дому. В это самое время с неба начали падать пока ещё реденькие снежинки.

В избу Пашка вошёл, как в той песне: полный решимости, задора и огня. Ну и с улыбочкой до ушей. Пощёлкивали в печке дровишки. А приближением праздника здесь и не пахло: дед не признавал всей этой мишуры, лишней суеты, бесполезных в хозяйстве подарков. Тратить полдня, наряжая ёлку? Для чего? Для того, чтобы после полдня её разбирать! Да, Новым годом в доме не пахло, а пахло… пахло, как всегда, дедом. К этому прогорклому запаху Пашка за три последних года почти привык. Дед пах странной смесью: чёрствым хлебом, мышами и табаком-самосадом.

В самом дальнем от входа углу висела небольшая узкая икона Стефана Печерского — своеобразный такой дедов оберег. В проявлении какой бы то ни было религиозности дед Пашкой замечен не был, однако с этой иконы пылинки всегда сдувал. На другой же стене, на самом видном месте красовался огромный фотопортрет Сталина. Вождь народов улыбался в усы, в руке его дымилась трубка. Почти как у Шерлока Холмса, — неожиданно для себя подметил Пашка.

Прямо под Сталиным в своём любимом обшитом красной материей кресле и расположился дед. Покуривая самокрутку, он мирно вязал что-то бордовое, шерстяное: то ли носок, то ли шарф. Года два уже дед таким образом рукодельничал, с тех самых пор, как бабушка покинула этот мир. Конечно, не круглый год он возился с пряжей и спицами, а только лишь нудно тянущимися зимними вечерами. Получалось у деда не слишком уж ладно. Например, в каждую Пашкину рукавицу могло запросто поместиться по три ладони, при этом большие пальцы рукавиц были… совсем небольшие, крохотные даже и от того неудобные.

Этот занятый вязанием пожилой мужчина не был родным дедом Пашки. Мальчишке он приходился каким-то дальним не кровным родственником. Как говорится, седьмая вода на киселе. Но другой родни у Пашки не имелось. Вот и пришлось приютиться мальчишке тут, когда случилось несчастье с его родителями. Дед в свои шестьдесят шесть оставался мужиком крепким: ходил на рыбалку и по грибы, летом ездил на велике, зимой бегал на лыжах, дрова колуном тяжеленным на раз-два расщёлкивал, ещё и ко вдовым дояркам в гости похаживал регулярно. На пенсию его председатель не отпускал, а дед и сам не просился, другого такого электрика — соображающего да не пьющего — в колхозе не водилось.

— Задание нам в школе дали, — без обиняков, с места в карьер начал Пашка. — Сочинение про зимнюю рыбалку написать. Это конкурс такой, победителю — приз!

— Ого, и что за приз? — не отрываясь от пряжи и спиц, спросил дед.

— А это… Это пока секрет… Сказали, сюрприз!

— Ну… Пиши.

Пашкины сочинения деда не волновали, он вообще в жизнь «внучка» не вникал, даже о школьных оценках не спрашивал. И скажи ему, что его дальний родственник, его как бы внук Пашка Пестриков по успеваемости лучший из мальчиков в классе, дед только пожал бы плечами. Пашка всё это понимал, но продолжал напирать словно маленький трактор:

— Так вот. Чтобы хорошо написать сочинение, мне нужно на эту самую рыбалку сходить. Я же на зимней-то не бывал.

— А, вот оно что… Ну… Сходи, сходи.

— Так дорога на озеро через лес! Запрет-то ещё вроде не отменяли? Без взрослых нельзя.

— Вот ведь дожили до чего! А всё эта демократизация, чтоб её! Перестройка да гласность… Иосиф Виссарионович, наверное, в гробу переворачивается, — от благодушного настроения деда не осталось следа. Прищурившись, метнул он на Пашку гневный взгляд. — При Сталине такое и представить не могли! Маньяков в помине не было. А сейчас преступников развелось как… как…

— Я и подумал, — успел вклиниться в гневную тираду Пашка, — что может ты со мной завтра сходишь?

— А что у нас завтра? Суббота? Нет, не смогу. Фельдшерице нашей нужно помочь, проводка в избе у неё барахлит, а чинить некому. Да и погода для рыбалки теперь не совсем подходящая. Давление атмосферное, ветер западный. Осадки вот обещают с утра в виде снега… Не, не, клёва завтра не жди… Да и вообще… Не мешай. Занят я, — дед красноречиво кивнул на бордовую пряжу и стальные спицы.

— Нужно мне! Кровь из носу как нужно! Мне бы выловить парочку окушков да и ладно. Говорю же, не ради рыбы, за впечатлениями я пойду.

Дед вздохнул и вернулся к своему рукоделию. При этом он бормотал:

— На рыбалку не ради рыбы? Тьфу! Чушь какая-то. Ну что я тебе скажу? Если приспичило так, иди. Опасаешься через лес? Ну топай тогда на Подгорное в обход через Елшанку.

— А расстояние? Там же ведь раза в три дальше!

Пашкино настроение опустилось ниже пола. Зимний день короток и потратить почти весь его на обходную дорогу парню не улыбалось. Он загрустил. В такие минуты из дальних потайных уголков души вылезала наружу Пашкина жалость к себе. Эх, если бы не погибли родители, всё, всё было бы сейчас по-другому! Всё! А что всё? Жил бы тогда Пашка с мамкой и папкой по прежнему в Торфяном, и не думал бы он сейчас ни о зимней рыбалке, ни об Эльвирочке. Да и существовании Загвоздкина Пашка даже не знал бы.

Ох уж этот Загвоздкин! И откуда только у человека в душе столько ревности, столько злости? Пашке вспомнилось вдруг, как в конце лета Жека поссорился со Стёпкой Короленко, поссорился на ровном месте. Они резались в подкидного на чилимы, и Загвоздкин всё время проигрывал. Стёпка лупил от души, без пощады. Жекин лоб походил уже на красный железнодорожный семафор, а он всё требовал продолжать игру, всё надеялся поквитаться. Постепенно, слово за слово, подколы и шутки обычные в этом деле переросли в ругань да такую, что дело до кулаков не дошло лишь по одной причине: Стёпка Короленко был в два раза шире Загвоздкина, к тому же он в секцию самбо ходил, на областные соревнования выступать ездил. Перевес в физической силе за Стёпкой был явный. Но как же тогда психовал Загвоздкин, как орал, как ругался, как тряс своим чубом! При всех обещал отомстить Короленко! Стоп. Отомстить-то он обещал, ну и что в итоге?

Пашка похолодел от неожиданной мысли. То давнее обещание Загвоздкина отомстить Стёпке, конечно же, всеми пацанами сразу забылось. Мало ли что этот псих мог в пылу брякнуть, но… Но ведь это же младший брат Стёпки Короленко ушёл за грибами в Пыхтеевский лес да там и сгинул. Случилось это в начале сентября, спустя пару недель после той карточной ссоры.

Плохо скрывая волнение, кое-как подбирая слова, Пашка поведал об этом деду. Тот, отложив в сторону спицы и пряжу, затушил бычок. Разогнал едкий дым, помахав руками. Ненадолго прикрыл глаза, посидел так, помозговал. Затем он надел очки «для дали» и внимательно посмотрел на Пашку.

— Ты, что ли, думаешь, что Загвоздкин и есть тот маньяк, который в Пыхтеевском лесу орудует? — спросил наконец дед. Затем, скептически приподняв брови, продолжил: — Ну допустим, что он убил того первоклассника, младшего брата Стёпы Короленко. Но кто же тогда убил дочь Катерины Самыловой? Явно не он. Ведь Загвоздкин дружил с ней, даже ухлёстывал. О том, что он любовь крутит с Любкой, об этом же вся округа знала.

Да, про это Пашка как-то не докумекал.

— Хороша же у них любовь, — возражал Пашка деду. Не находя себе места, стал он ходить взад-вперёд. Пашкины контрдоводы звучали слишком сумбурно. — Месяц только прошёл, как его Любку убили, а Загвоздкин успел уже в Арасланову Эльвиру втюриться.

Дед краешком губ усмехнулся Пашкиной вспышке и, словно не заметив её, снял с носа очки «для дали» и продолжил вязать. Между делом он рассуждал:

— К тому же труп мальчика не нашли. И не известно вообще убит ли он. Может, он заблудился и умер от голода. Или болотина засосала. А, может, волки его загрызли. Короче, Загвоздкина ты сюда за уши притянул, но… Но я тебя понимаю, — дед вдруг прищурился как-то хитро. — Этот Загвоздкин, он тот ещё гад и подлец, в кружке вашем школьном без конкурента дышалось, наверно, вольготнее.

Пашка отвернулся, чтобы дед не приметил, как он краснеет, стал размышлять: «И откуда только дед про кружок догадался? Впрочем, понятно: дочь фельдшерицы тоже на литературные встречи ходит. А фельдшерица эта — та ещё переносчица слухов. Да и вообще в Старых Дубах все друг про друга всё знают…»

Однако, дед всё же прав: хоть Пашка до ужаса не любил Загвоздкина, но представить того в роли маньяка, бегающего по лесам, — на это фантазии ему не хватало. Дед же, посмеиваясь, снова взялся за спицы. Тогда, чтобы перевести разговор на другую тему, Пашка спросил первое, что пришло на ум.

— Вот ты говоришь, мне на Подгорное озеро в обход леса топать, через Елшанку. А там Насрулла живёт. Ну, тот шабашник, который остался. Тот, что Серёжей теперь себя величает. И живёт этот Насрулла, между прочим, у Катерины Самыловой.

— Думаешь, это он её дочь прикончил? — дед опять усмехнулся. Но, отложив снова пряжу, он стал серьёзен. — Знаешь, Павлик, то что чурбан живёт с русской бабой, мне это как-то не по душе, хоть и учит нас партия Ленина совсем другому. Интернационализм! Дружба народов! Вот только интернационализм этот почему-то всегда в одну сторону… Но Катерину можно понять. Мужиков-то у нас в колхозе чуть ли не вдвое меньше, чем баб. Да и мужики-то какие: пьянь на пьяни. А Катерина, она бабец в самом соку. Этот же чебурек… он вроде дядька хозяйственный. Забор Катерине поправил, сарай починил. Он не маньяк. Определённо не маньяк. Если даже кто-то и убил первоклассника, то не он. Забыл разве? Насрулла ведь позже всех остальных шабашников сюда прикатил, после того уже, как мальчишка в лесу сгинул.

Действительно, всё так. Пашке вновь пришлось согласится с дедом. А деду пришлось отложить спицы и, вытащив из кладовки снаряжение — ящик, бур, удочки, — проводить ликбез по основам подлёдного лова. И когда уже всё рыбацкое барахло было перебрано, перетрогано, все мормышки-крючки-грузила разложены по коробочкам, дед задал Пашке вопрос. Простой такой вопрос, незатейливый:

— И чего это ваш учитель тему такую странную выбрал?

Пашка, все помыслы которого были уже в завтрашнем дне, внимания поначалу не обратил, но дед продолжал:

— Что-то я не припомню, чтобы в школе, когда я учился, нам задавали писать про рыбалку. Ещё и про зимнюю.

— Ну-у-у… Надо же о чём-то писать. Вот Егор Семёнович и придумал.

— Странный какой-то у вас учитель, — дед продолжал неспешно, он словно сам с собой разговаривал. — Да-а-а, странный.

— Странный? Хе-х, — усмехнулся Пашка. — Ну да, есть немного. Только вот сам он, наоборот, всё наше село странным считает. А мы его Шерлокхолмсом прозвали, он у нас детективами увлечён. Ему бы не в учителя, а в сыщики пойти, всех бы преступников разоблачил.

— Всех бы, говоришь, разоблачил?

— Да! Но и учитель он очень хороший. Это же он подсказал мне сходить самому на рыбалку перед тем, как писать сочинение.

— Он, говоришь, подсказал?

— Ну да! Сам-то бы я не додумался. А теперь у меня шансы на победу о-го-го будут!

— Понятно, — каким-то странным и непонятным тоном промолвил дед. А затем, помолчав, подумав, произнёс ещё раз: — Понятно.

Но как раз после этого разговора Пашке и стало всё непонятно. За ужином он призадумался. Что это с дедом? Что там ему понятно? Дед объяснил сегодня, почему и Жека Загвоздкин, и Насрулла к убийствам школьников в Пыхтеевском лесу отношения не имеют. А что же Егор Семёнович? Что же их школьный преподаватель? От новой догадки ложка чуть не выпала из Пашкиной руки. Учитель приехал к ним в Старые Дубы в конце лета. Мальчик пропал в сентябре. Девочка в начале ноября. Оба ребёнка учились в местной школе, единственной в округе. Оба ребёнка, естественно, знали учителя, доверяли ему. И оба сгинули в Пыхтеевском лесу. Егор Семёнович — большой любитель гулять по окрестностям. Осенью ходил он пешком, зимой ходит на лыжах. И это ведь он дал такое странное задание: написать сочинение про зимнюю рыбалку. И подсказку он дал, что для начала нужно сходить самому порыбачить. А озеро тут одно и прямая дорога — через Пыхтеевский лес. Мамочка дорогая! Так что же выходит, не он ли убийца? И кто тогда его следующая жертва?..

И тем не менее… Сама мысль о том, что их школьный учитель, к которому ребята уже четыре месяца каждую пятницу ходят в кружок постигать основы литературного творчества, что их Егор Семёнович, их Шерлокхолмс может оказаться по совместительству кровожадным маньяком, убивающим в лесу школьников, сама эта мысль выглядела нелепо.

Пашка пытался прогнать эти глупые предположения, но чем сильнее он их прогонял, тем крепче они в его голову продирались. Мысль про маньяка-учителя в течение всего вечера буквально въедались в мозг.

Легли спать. Дед в зимнее время спал всегда на печи. Пашка, скрипя пружинами, долго ворочался на диване. Наконец дед не выдержал:

— Ну чего ты там вертишься, как пропеллер у самолёта? Спи давай.

Пашка долго решался. Ведь этим вечером он уже дважды успел выдвинуть свои версии и оба раза под аргументами деда версии улетучивались словно табачный дым. Наконец Пашка, прокашлявшись, сиплым голосом громко шепнул:

— А что, если это учитель?

Тишина… Тишина… Пашка в отчаянии уж решил, что уснул дед. Но когда пружины дивана вновь скрипнули под Пашкиным боком, с печки послышался глухой голос:

— Спи давай. Пожалуй, придётся мне завтра сходить с тобой. На рыбалку. На зимнюю. Но прежде Петруху предупрежу.

Петра Алексеевича Самохвалова, их участкового, дед звал Петрухой запросто, ведь знал он его ещё ребёнком. Знал его дед ещё с 1950-х, с тех самых пор, как в село это переехал. А в то время будущий капитан милиции был ещё просто Петрухой, обычным пионером.

Милиционер родился на пару десятков лет позже деда. Но, не взирая на столь крупную разницу в возрасте, эти двое дружили. Сближали электрика и участкового общие интересы: жаркая баня, полубраконьерская рыбалка и главное — трезвый образ жизни, который, не смотря на набирающую обороты антиалкогольную кампанию, был в те годы среди мужской части села Старые Дубы всё ещё редким явлением.

Дедовы слова так успокоили Пашку, что уснул он в ту же минуту. Уснул-то он хорошо, вот только сон ему совсем нехороший приснился. Но даже в самых страшных кошмарах Пашке бы не привиделось, что за денёк предстоит ему завтра.

Глава 3

Проснувшись, Пашка долго лежал. Не хотелось высовывать голову из-под тёплого одеяла. Опять ему снилась всякая ерунда: отрубленная петушиная голова, норовившая клюнуть в глаз, от которой Пашка во сне улепётывал, а когда обернулся, увидел, что вместо птичьей башки за ним гонится участковый. Пётр Алексеевич вдогонку кричал что-то про рыбалку, про окуней, в общем бред, который обычно в подобных снах и случается.

Пашка всё ждал, когда неприятный осадочек оставшийся после сна, рассосётся. Наконец, услыхав железное хлопанье печной дверцы и глухое потрескивание полыхающих дров, откинул одеяло. Печь ещё не успела прогреться, и в избе было зябко. Но ещё холоднее стало у Пашки на душе, когда он увидел настенные часы. Стрелки ходиков показывали девять утра. Пашка вскочил как ужаленный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.